

**ЭРНСТЫ К. К. (1), К. К. (2) и Е. И.
— ПЕШКОВОЙ Е. П.**

ЭРНСТ Константин Константинович, родился в 1860-е. Полковник царской армии. Служил начальником Рижской каторжной тюрьмы, после революции не работал. Женат на Надежде Андреевне Эрнст. В 1927 — арестован за «контрреволюционную деятельность», приговорен к ВМН и расстрелян¹.

ЭРНСТ Константин Константинович, родился в 1886 (отец, Эрнст Константин, полковник царской армии; мать Эрнст Надежда Андреевна). Получил военное образование, в 1904 — участник Русско-японской войны в чине поручика, в 1914 — на фронте офицером-артиллеристом, к 1917 — в чине полковника. Женат на Елене Ивановне Эрнст. После революции работал заведующим производством на заводе металлолома. В 1930 — арестован как «участник контрреволюционной организации», приговорен к 3 годам концлагеря и отправлен на Беломоро-Балтийский канал. В конце 1931 — срок наказания был сокращен на 1/3. В 1932 — после освобождения остался работать на Белбалтканале вольнонаемным. После возвращения в Ленинград работал заведующим производственных работ в Рудометалторге².

ЭРНСТ Елена Ивановна, родилась в 1897. Получила среднее образование. С 1920 — проживала в Ленинграде, работала счетоводом-статистом. Вышла замуж за Эрнста Константина Константиновича, офицера царской армии³.

Весной 1935 — высланы с Надеждой Андреевной Эрнст, 69-ти лет, в Тургай Актюбинской области на 5 лет.

В мае 1935 — Елена Ивановна Эрнст обратилась за помощью к Е. П. Пешковой.

<5 мая 1935>

«Гор<од> Темир Актюбинской обл<асти>,
Ташкентская ул<ица>, д<ом> № 40, К. К. Эрнсту

Уважаемая Екатерина Павловна!

10-11 марта этого года я и муж были у Вас с просьбой облегчить нашу участь и помочь нам. Мы, Константин и Елена Эрнсты были высланы в трехдневный срок из Ленинграда. Как мы уже писали в своем заявлении, оставленном у Вашего юриста для передачи в НКВД, Константин был на постройке Беломор-Балтийского канала, досрочно освобожден от своей первой административной высылке, но добровольно остался работать на канале до конца его строительства, я же никогда не была ни буржуйкой, ни владелицей или эксплуататоршей и с юных лет вела трудовую жизнь — и сама происхожу из пролетарской интеллигенции (отец — зубной врач, мать — домохозяйка, дочь ж<лезено>д<оружного> машиниста-рабочего). И вот, когда, казалось, муж своей работой на канале искупил перед Советской властью свое происхождение и своим трудом и преданностью, намеченному т<оварищем> Сталиным строительству, был реабилитирован, получил права гражданства — избирательного права не лишен — и паспорт, дающий право жительства в Ленинграде, мы снова

¹ Алфавитный указатель жителей Петрограда на 1917 год. Петербургский генеалогический портал, 2005. Издательство ВИРД, 2005. ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1414. С. 49.

² Алфавитный указатель жителей Петрограда на 1917 год. Петербургский генеалогический портал, 2005. Издательство ВИРД, 2005. ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1371. С. 6.

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1371. С. 6.

подверглись жестокой, неизвестно за что и почему, каре — высылке в отдаленные районы Средней Азии. Как живем мы там? Постараюсь как можно объективнее описать Вам наши мучения, ибо другим словом назвать все пережитое нельзя.

Высылая нас из Ленинграда, уполномоченный НКВД говорил о том, что нам будет представлена работа. Нас направили в Тургай. По приезде на станцию Челкар выяснилось, что в Тургае все переполнено, и нас туда не пошлют. Несколько времени мы жили в Красном уголке ст<анции> Челкар, затем нам объявили списки, кто куда едет. Нас направили в Уил. Чтобы добраться до Уила, нам пришлось на свой счет ехать из Челкара до Джуруки, там мы были 2-3 дня, спали на полу вповалку, как попало, затем нас отправили в Темир. И вот в Темире мы уже около 2-х месяцев в ожидании, когда нас отправят дальше, и так ждем ежедневно отправки с 26 марта. Ни о какой работе нет и речи. Местные организации категорически запретили давать нам какую-либо работу. Мы лично, и еще одна семья живем у хозяйки, которая за крохотную конуру в 5х5 метров берет с нас пятерых человек по 20 руб<лей> в месяц с человека. В связи с нашим приездом ("нашим" — это человек 200-300 административно высланных, как и мы) — цены моментально стали подниматься. Работы нам не дают никакой, — все отвечают, что есть распоряжение не давать работы, ничего не знают и т<ак> д<алее>. Мы проедаем последние гроши, взятые с собой из продажи вещей в Ленинграде, голодаем, ибо деньги уже приходят к концу. Положение складывается отчаянное, и в перспективе голодная смерть, ибо наши возможности существовать — это наша работа — нет ее — нет средств к существованию, — голод и смерть. Вдобавок к тяжелому моральному состоянию у мужа обострилась его болезнь-астма, и приступы удушья бывают почти единошно. Помощи никакой — и припадки с каждым повторением ухудшаются. Я в отчаянии и не знаю, что с ним делать в такие минуты припадков — теряюсь и плачу. Тяжело, невыносимо — впору покончить самоубийством. Но жутко. Нет никого и ничего, кто бы помог. Единственная надежда на Вас, дорогая Екатерина Павловна. Вас прошу, умоляю, помогите нам, дайте ответ на наше заявление в НКВД. Мы написали обо всем тов<арищу> Сталину, но и оттуда до сих пор нет ответа.

Пользуемся оказией — случаем, что едет один товарищ, и просим отослать Вам это письмо из Москвы, ибо боимся, что письма наши пропадают.

Еще раз умоляю, ответьте, в каком положении наше дело и есть ли надежда на возможность не умереть с голоду.

Елена Эрнст.

Темир.
5/V-35 г<ода>»⁴.

⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1414. С. 54-55. Автограф.